

Чтение 2. Н.М. Карамзин «Письма русского путешественника»

08 ФЕВРАЛЯ 2010

ПУТЕШЕСТВИЕ С КАРАМЗИНЫМ

Мы с вами продолжаем знакомиться с творчеством Н.М. Карамзина и читаем его «Письма русского путешественника».

Коротко я напомним, что в 1789 году русский дворянин Николай Карамзин отправляется в длительное заграничное путешествие в Европу. Результатом этого явились его «Письма русского путешественника» – литературное произведение, написанное в популярном в то время жанре «путешествия».

Лирический герой его «Писем» – молодой человек, жаждущий новых открытий, впечатлений, стремящийся к познанию жизни. За юным героем вставала юная нация, вступающая на путь европейского просвещения. Перед путешественником, как в калейдоскопе, менялись события, встречи с великими людьми, одна достопримечательность сменяла другую. Но наш чувствительный россиянин – не легкомысленный щёголь, нет, он ищет мудрости у старых мыслителей Европы и сам обнаруживает массу учёности и образованности. Всё увиденное вызывает в нём напряжённую умственную деятельность, он анализирует, размышляет. Недаром известный критик 50-х годов 19 века Аполлон Григорьев, говоря о «Письмах русского путешественника», подчеркнул: «Впервые русский человек явился в них не книжно, а душевно и сердечно сочувствующим общечеловеческой жизни, приходит в эту жизнь не дикарём, а сыном!»

Наш путешественник побывал в Пруссии, Саксонии, Швейцарии. И вот на пути его – Франция.

Париж, 27 марта 1790

«Мы приближались к Парижу, и я беспрестанно спрашивал, скоро ли увидим его? Наконец открылась обширная равнина, а на равнине, во всю длину ее, Париж!.. Сердце мое билось. "Вот он, – думал я, – вот город, который в течение многих веков был образцом всей Европы, источником вкуса, мод, – которого имя произносится с благоговением учеными и неучеными, философами и щеголями, художниками и невеждами, в Европе и в Азии, в Америке и в Африке, – которого имя стало мне известно почти вместе с моим именем; о котором так много читал я в романах, так много слышал от путешественников, так много мечтал и думал!.. Вот он!.. Я его вижу и буду в нем!.." – Ах, друзья мои! Сия минута была одною из приятнейших минут моего путешествия! Ни к какому городу не приближался я с такими живыми чувствами, с таким любопытством, с таким нетерпением!»

Каким же предстал Париж нашему Путешественнику? Величественным и стремительным, особенно по контрасту со спокойной Швейцарией:

Париж, 2 апреля 1790

«Замечу одно, что кажется мне главною чертою в характере Парижа: отменную живость народных движений, удивительную скорость в словах и делах. ... Здесь всё спешит куда-то; все, кажется, перегоняют друг друга, ловят, хватают мысли, угадывают, чего вы хотите, чтоб как можно скорее вас отправить. Какая страшная противоположность, например, с важными швейцарцами, которые ходят всегда размеренными шагами, слушают вас с величайшим вниманием, приводящим в краску стыдливого, скромного человека; слушают и тогда, когда вы уже говорить перестали; соображают ваши слова и отвечают так медленно, так осторожно, боясь, что они вас не понимают! А парижский житель хочет всегда отгадывать: вы еще не кончили вопроса, он сказал ответ свой, поклонился и ушел!»

Париж очаровал Путешественника своей величественной архитектурой, древними зданиями и парковыми ансамблями, всем тем, что не зря названо колыбелью культуры.

Париж, апреля ... 1790

«Принимаюсь за перо с тем, чтобы представить вам Париж хотя не в совершенной картине, но по крайней мере в главных его чертах. Париж покажется вам великолепнейшим городом, когда вы въедете в него по Версальской дороге. Громады зданий впереди с высокими шпицами и куполами; на правой стороне – река Сена с картинными домиками и садами; на левой, за пространною зеленою равниною, – гора Мартр, покрытая бесчисленными ветряными мельницами, которые, размахивая своими крыльями, представляют глазам нашим летящую станицу каких-нибудь пернатых великанов, страусов или альпийских орлов. Через обширный бархатный луг въезжаете в поля Елисейские, недаром названные сим привлекательным именем: лесок, насажденный самими орадами, с маленькими цветущими лужками, с хижинками, в разных местах рассеянными, из которых в одной найдете кофейный дом, в другой – лавку. Тут по воскресеньям гуляет народ, играет музыка, пляшут веселые мещанки. Бедные люди, изнуренные шестидневною работою, отдыхают на свежей траве, пьют вино и поют водевили... На большой осьмиугольной площади возвышается статуя Лудовика XV, окруженная белой мраморной балюстрадой. Подойдите к ней и увидите перед собою густые аллеи славного сада Тюльери, примыкающие к великолепному дворцу: вид прекрасный! Вошедши в сад, не знаете, чем любоваться: густотою ли древних аллей или приятностию высоких террас, которые на обеих сторонах простираются во всю длину сада, или красотою бассейнов, цветников, ваз, групп и статуй. Художник Ленотр, творец сего, конечно, искуснейшего сада в Европе, ознаменовал каждую его часть печатью ума и вкуса. Здесь гуляет уже не народ, так, как в полях Елисейских, а так называемые лучшие люди, кавалеры и дамы, с которых пудра и румяна сыплются на землю. Взойдите на большую террасу, посмотрите направо, налево, кругом: везде огромные здания, замки, храмы – красивые берега Сены, гранитные мосты, на которых толпятся тысячи людей, стучит множество карет – взгляните на все и скажите, каков Париж».

Но Париж предстал перед Путешественником и как город контрастов. Рядом с пышным великолепием соседствовала ужасающая бедность.

«Мало, если назовете вы его первым городом в свете, столицю великолетия и волшебства. Останьтесь же здесь, если не хотите переменить своего мнения; вошедши далее, увидите... тесные улицы, оскорбительное смешение богатства с нищетою; подле блестящей лавки ювелира – кучу гнилых яблок и сельдей; везде грязь и даже кровь, текущую ручьями из мясных рядов, – зажмете нос и закроете глаза. Картина пышного города затмится в ваших мыслях, и вам покажется, что из всех городов на свете через подземельные трубы сливается в Париж нечистота и гадость. Ступите еще шаг, и вдруг повеет на вас благоухание счастливой Аравии или по крайней мере цветущих лугов прованских: значит, что вы подошли к одной из тех лавок, в которых продаются духи и помада и которых здесь множество. Одним словом, что шаг, то новая атмосфера, то новые предметы роскоши или самой отвратительной нечистоты – так, что вы должны будете назвать Париж самым великолепным и самым гадким, самым благовонным и самым вонючим городом».

Путешественник – человек образованный, начитанный, многое о западной культуре ему известно, во многом же он хочет убедиться и увидеть собственными глазами. Он часто бывает в театрах. Его привлекает роскошь постановок и актёрское мастерство. Однако, у него есть свои суждения об искусстве, в том числе и о французской опере, французской драме и французской комедии.

Париж, апреля 29, 1790

«С приезде моего в Париж все вечера без исключения проводил я в спектаклях... Я не имел прежде достаточного понятия о французских театрах. Теперь скажу, что они доведены, каждый в своем роде, до возможного совершенства... Кто был в Париже, говорят французы, и не видал Большой оперы, подобен тому, кто был в Риме и не видал папы... Лаис, Шенар, Лене, Руссо – вот первые певцы оперы, и если верить французам, то никогда и никакая земля не

производила лучших. Они нравятся мне не только пением, но и самую игрою: два таланта, которые не всегда бывают вместе!..

На так называемом Французском театре играют трагедии, драмы и большие комедии. – Я и теперь не переменил мнения своего о французской Мельпомене. Она благородна, величественна, прекрасна, но никогда не тронет, не потрясет сердца моего так, как муза Шекспирова и некоторых (правда, немногих) немцев. Французские поэты имеют тонкий, нежный вкус и в искусстве писать могут служить образцами. Только в рассуждении изобретения, жара и глубокого чувства натуры – простите мне священные тени Корнелей, Расинов и Вольтеров! – должны они уступить преимущество англичанам и немцам...

Талия британская и Талия Германии должны уступить преимущество французской. Английские комедии по большей части или скучны, или грубы, неблагопристойны, оскорбительны для всякого нежного вкуса, а немецкие, кроме некоторых посредственных, совсем недостойны внимания.

История древнего города вызывает уважение и живой интерес Путешественника. Старинные здания, казалось, говорили беззвучными голосами прошедших эпох...

Скажу вам несколько слов о главных парижских зданиях.

Лувр. Прежде был он не что иное, как грозная крепость, где жили потомки Кловисовы и где, как в государственной темнице, заключались возмутители, ослушные бароны, которые часто восставали против своих королей. Франциск I, страстный охотник воевать, пленять красавиц и строить великолепные замки, разрушив до основания готические башни, на их месте соорудил огромный дворец, украшенный лучшими художниками его века, но необитаемый до времен Карла IX. Лудовик XIV воцарился; с ним воцарились искусства, науки – и Лувр, по его мановению, увенчался великолепною своею колоннадою, лучшим произведением французской архитектуры. Я всякий раз останавливаюсь против главных ворот, смотрю и думаю: «Сколько тысячелетий мелькнуло через земной шар в вечность между первым сплетением гибких ветвей, укравших дикого Адамова сына от ненастья, и гигантскою колоннадою Лувра, дивом огромности и вкуса!

Как мал человек, но как велик ум его! Как медленны успехи разума, но как они многообразны и бесконечны!»

Тюльери. Имя произошло от *tuile*, то есть черепицы, которую некогда тут делали. Сей дворец построен Катериною Медицис; состоит из пяти павильонов с четырьмя кор де ложи; украшен мраморными колоннами, фронтоном, статуями и, наконец, изображением лучезарного солнца, девизом Лудовика XIV. Вид здания не величествен, но приятен; положение очень хорошо. С одной стороны – река Сена, а перед главною фасадою – Тюльерийский сад с высокими своими террасами, цветниками, бассейнами, древними густыми аллеями, сквозь которые вдали видна, на обширной площади, статуя Лудовика XV. Тут живет ныне королевская фамилия...

Сад Люксембургский был некогда любимым гульбищем французских авторов, которые в густых и темных его аллеях обдумывали планы своих творений. Там Мабли часто гулял с Кондильяком; туда приходил иногда и печальный Руссо говорить с своим красноречивым сердцем; там и Вольтер в молодости нередко искал гармонических рифм для острых своих мыслей, а мрачный Кребийльон воображал себя злобным Атреем. Ныне сад уже не таков: многие аллеи исчезли, вырублены или засохли. Но я часто пользуюсь остальною сению тамошних старых деревьев; хожу один или, сидя на дерновом канаве, читаю книгу...

Пале-Рояль называется сердцем, душою, мозгом, извлечением Парижа. Тут спектакли, клубы, концертные залы, магазины, кофейные дома, трактиры, лавки; тут богатые иностранцы нанимают себе комнаты; тут живут блестящие первоклассные нимфы; тут гнездятся и самые презрительные. Все, что можно найти в Париже (а чего в Париже найти нельзя?), есть в Пале-Рояль. Тебе надобен модный фрак, поди туда и надень. Хочешь, чтобы комнаты твои через несколько минут были украшены великолепно, поди туда, и все готово. Желаете иметь картины, эстампы лучших мастеров, в рамах, за стеклами, поди туда и выбирай. Разные драгоценные

вещи, серебро, золото, все можно найти за серебро и золото. Скажи, и вдруг очутится в кабинете твоем отборная библиотека на всех языках, в прекрасных шкапах. Одним словом, приходи в Пале-Рояль диким американцем и через полчаса будешь одет наилучшим образом, можешь иметь богато украшенный дом, экипаж, множество слуг, двадцать блюд на столе и, если угодно, цветущую Лаису, которая всякую минуту будет умирать от любви к тебе. Там собраны все лекарства от скуки и все сладкие отравы для душевного и телесного здоровья, все средства выманивать деньги и мучить безнадежных, все способы наслаждаться временем и губить его. Можно целую жизнь, и самую долголетнюю, провести в Пале-Рояль, как волшебный сон, и сказать при смерти: "Я все видел, все узнал!"

Лудовик XIV построил самый великолепнейший в Европе Инвалидный дом для изувеченных и престарелых воинов, желая доказать им царскую благодарность, и часто бывал у них в гостях, без всякой стражи, кроме испытанного усердия своих ветеранов. Печальное зрелище для философа, трогательное для всякого чувствительного! Многие инвалиды не могут, ходить; многие не могут даже есть сами: их кормят. Одни молятся перед олтарами; другие сидят под тению густых деревьев, разговаривая о победах, купленных их кровию. Как охотно снимаю шляпу перед седым воином, который носит на себе незагладимые знаки храбрости и печать славы! Война бедственна, но храбрость есть великое свойство души... Петр Великий, осматривая парижский Инвалидный дом в то время, как почтенные воины сидели за обедом, налил себе рюмку вина и, сказав: "Ваше здоровье, товарищи!", выпил до капли...

Лудовик XIV хотел сделать чудо; велел – и среди пустыни, дикой, песчаной, явились темпеуские долины и дворец, которому в Европе нет подобного великолепием – Версаль...

Из церкви пошли мы в Геркулесову залу, которая огромна своим пространством и великолепна украшением. Тут возвышаются двадцать мраморных коринфических пиластр с жарко вызолоченными капителями и базами; но главная красота залы есть плафон, расписанный на полотне масляными красками живописцем Лемуаном и представляющий «Геркулесово боготворение» (апофеозу); самая величайшая картина в свете! Тут же стоят две славные Веронезовы картины: "Спаситель" и "Ревекка"... Залы Изобилия, Венерина, Цианина, Марсоватакже всего более достойны внимания по своим живописным плафонам. На плафоне представлена Лебрюнем, в двадцати семи аллегорических картинах, история Лудовика в первые семь лет его царствования. Четыре мраморные колонны с осмью пиластрами окружают вход с обеих сторон галереи; между пиластрами, на мраморных подножиях, стоят древние статуи: Бахус, Венера (найденная в городе Арле), Весталка и муза Урания; в середине, в четырех нишах, Германик, изваянный славным афинским художником Алькаменом; две Венеры и Диана. – В Зале мира живопись представляет Францию, сидящую на лазоревом шаре; Слава венчает ее; Амуры и Мир соединяют голубей. На другой картине Лудовик подает масличную ветвь Европе... В маленьких комнатах, подле королевского кабинета, хранятся драгоценные гравированные, древние и новые камни; между ими всего любопытнее так называемая печать Микеля-Анджела, на которой изображено собрание винограда.

Парижские окрестности весьма приятны. Везде прекрасные деревеньки, аллеи, сады; везде рассеяны драгоценности искусств; в каждой сельской церкви найдете хорошие картины, замечания достойные монументы, памятники французской истории. С некоторого времени я всякий день бываю за городом и возвращаюсь иногда очень поздно. Теперь же все цветет, и весна нежными оттенками переливается в лето».

Наш Путешественник – русский человек, но он чувствует себя частицей Вселенной и с жадностью вбирает в своё сердце все детали, встречи и события другого мира, другой страны. Он гуляет по улицам, его привлекает шумная парижская толпа, среди которой он ищет тайну национального характера французов.

Я думаю теперь: какое могло б быть самое любопытнейшее описание Парижа? Исчисление здешних монументов искусства (рассеянных, так сказать, по всем улицам), редких вещей в разных родах, предметов великолепия, вкуса имеет, конечно, свою цену; но десять таких

описаний, и самых подробных, отдал бы я за одну краткую характеристику, или за галерею примечания достойных людей в Париже, живущих не в огромных палатах, а по большей части на высоких чердаках, в тесном уголке, в неизвестности. Вот обширное поле, на котором можно собрать тысячу любопытных анекдотов! Здесь-то бедность, недостаток в средствах к пропитанию доводит человека до удивительных хитростей, истощает и разум и воображение! Здесь многие люди, которые всякий день являются на гульбищах, в Пале-Рояль, даже в спектаклях, причесанные волос к волосу, распудренные, с большим кошельком на спине, с длинною шпагою на бедре, в черном кафтане, не имеют копейки верного дохода, а живут, веселятся и, судя по наружному виду, беспечны, как птицы небесные. Средства? Они разнообразны, бесчисленны и нигде, кроме Парижа, неизвестны. Например: человек, изрядно одетый, который сидит в Cafe de Chartres за чашкою баваруаза, говорит не умолкая, с видом благородным, приятным, шутит, рассказывает забавные анекдоты – знаете ли, чем живет? Продажею афиш, или всякого рода печатных объявлений, которыми здесь бывают облеплены стены. Ночью, когда город успокоится и люди по домам разбредутся, он ходит собирать свой корм, из улицы в улицу, сдирает со стен печатные листы, относит их к пирожникам, имеющим нужду в бумаге, получает за то несколько копеек, ливра два или целый эю, ложится на соломенный тюфяк в каком-нибудь гренье и засыпает покойнее многих крезов. Другой человек, который также всякий день бывает в публике, то есть в Тюльери, Пале-Рояль, и которого вы по кафтану сочтете клерком, есть... откупщик; но прошу угадать, какой? У него на откупе... все булавки, теряемые дамами в итальянском спектакле. Когда занавес опускается и все зрители выходят из залы, он только что является в театр и с дозволения директорского, между тем как гасят свечи, ходит из ложи в ложу подбирать булавки; ни одна не укроется от его мышиных глаз, где бы она ни лежала; и в то мгновение, как слуга хочет гасить последнюю свечу, наш откупщик хватается последнюю булавку, говорит: «Слава богу! Завтра я не умру с голоду!» – и бежит с своим пакетом к лавочнику. – Я был в Мазариновой библиотеке и смотрел на ряды книг без всяких мыслей. Ко мне подошел седой старик в темном кафтане и сказал: «Вы желаете видеть примечания достойные книги и манускрипты?» – «Желал бы, государь мой!» – «Я к вашим услугам». И старик начал мне показывать редкие издания, древние рукописи, беспрестанно говоря, изъясняя. Я думал, что он библиотекарь; совсем нет, но тридцать лет служит там живым каталогом для любителей и читателей книг. Надзиратели Мазариновой коллегии дозволяют старику хозяйствовать в библиотеке и чрез то промышлять себе хлеб. Дайте ему эю или медную копейку, он возьмет их с равною благодарностию, не скажет: «Мало!», не сморщит лба; также и за горсть серебряной монеты не поклонится вам ниже обыкновенного. Парижский нищий хочет иметь наружность благородного человека. Он берет подаяние без стыда, но за грубое слово вызовет вас на поединок: у него есть шпага!

В галерее примечания достойных людей занял бы, конечно, не последнее место один здешний стоик, известный под именем четырнадцатилуковошного (*de quatorze-oignons*), истинный Диогенов человек, отказывающий себе во всем, что не есть в строгом смысле необходимо для жизни. Он промыслом носильщик: все его имение состоит в большой корзине; днем разносит в ней по комиссии всякую всячину, а ночью спит, как в алькове, на городской площади, под колоннадою. Сорок лет не переменяет своего камзола; в случае нужды нашивает заплаты и таким образом от времени до времени возобновляет его, как природа, по мнению медиков, возобновляет в разные периоды человеческое тело. Четырнадцать луковиц составляют его дневную пищу. Не думайте, чтобы он жил так по необходимости; нет, бедные просят у него милостыни и получают; другие берут займы – но парижский Диоген никогда не требует назад своих денег, ежедневно выработывая три и четыре ливра. Он умеет быть благодетелем и другом; говорит мало, но с выразительным лаконизмом. Многие ученые знакомы с ним. Химист Л* спросил у него однажды: "Счастлив ли ты, добрый человек?" – "Думаю", – отвечал наш философ. – "В чем состоят твои удовольствия?" – "В работе, отдыхе, в беспечности". – "Прибавь еще: в благодеяниях. Я знаю, что ты делаешь много добра". – "Какого?" – "Поддаешь милостыню". – "Отдаю лишнее". – "Молишься ли богу?" – "Благодарю его". – "За что?" – "За себя". – "Ты не боишься смерти?" – "Ни жизни, ни смерти". – "Читаешь книги?" – "Не имею

времени". – "Бывает ли тебе скучно?" – "Я никогда не бываю празден". – "Не завидуешь никому?" – "Я доволен собою». – «Ты истинный мудрец". – "Я человек". – "Желаю твоей дружбы". – "Все люди – друзья мои". – "Есть злые". – "Их не знаю".

К великому моему сожалению, я не видал сего нового Диогена. Он скрылся при начале революции. Иные думают, что его уже нет на свете. Вот доказательство, что в самом низком состоянии может родиться и жить гений деятельной мудрости».

Париж, мая ...

«Идучи по Дофинскому берегу, увидел я на реке два китайские павильона, узнал, что это бани, сошел вниз, заплатил 24 су и вымылся холодною водою в прекрасном маленьком кабинете. Чистота удивительная. Во всякий кабинет проведена из реки особливая труба, в которой вода течет сквозь песок. Тут же учат плавать; урок стоит 30 су. При мне плавали три человека с отменною легкостью. В Париже есть и теплые бани, в которые часто посылают медики больных своих. Самые лучшие и дорогие называются русскими. Надобно заплатить рубли два, и вас вымоют, вытрут губками, обкурят ароматами, как у нас в грузинских банях...

Здесьняя Королевская библиотека есть первая в свете; по крайней мере так сказал мне библиотекарь. Шесть превеликих зал наполнены книгами. Мистические авторы занимают пространство в 200 футов длиною и в 20 вышиною, схоластики – 150 футов, юристы – 40 сажень, историки вдвое. Поэтов считается 40000, романистов – 6000, путешественников – 7000. Все вместе составляет около 200000 томов, к которым надобно еще прибавить 60000 рукописных. Порядок редкий. Наименуйте книгу, и через несколько минут она у вас в руках...

Здесь много и других общественных и частных библиотек, отворенных в назначенные дни для всякого. Читайте, выписывайте что вам угодно. Нет в свете другого Парижа ни для ученых, ни для любопытных; все готово – только пользуйся...»

Путешественник жадно впитывает всё увиденное, подробно рассказывает и его переполняет желание поделиться с читателем, а порой и искать ответы на многие важные вопросы жизни.

Париж, июня... 1790

«Скажу и о характере французов. Я не знаю народа умнее, пламеннее и ветренее вашего. Кажется, будто он выдумал или для него выдуман общежитие: столь мила его обходительность и столь удивительны его тонкие соображения в искусстве жить с людьми! Сие искусство кажется в нем любезною природою. Никто, кроме его, не умеет приласкать человека одним видом, одною вежливою улыбкою. Напрасно англичанин или немец захотел бы учиться ей перед зеркалом: на лице их она чужая, принужденная. Я хочу жить и умереть в моем любезном отечестве, но после России нет для меня земли приятнее Франции, где иностранец часто забывается, что он не между своими. Говорят, что здесь трудно найти искреннего, верного друга... Ах! Друзья везде редки; и чужеземцу ли искать их, тому, кто, подобно комете, являясь, исчезает? Дружба есть потребность жизни; всякий хочет для нее предмета надежного. Но все, чего по справедливости могу требовать от чужих людей, француз предлагает мне с ласкою, с букетом цветов. Ветренность, непостоянство, которые составляют порок его характера, соединяются в нем с любезными свойствами души, происходящими некоторым образом от сего самого порока. Француз непостоянен – и незлопамятен; удивление, похвала может скоро ему наскучить; ненависть также. По ветренности оставляет он доброе, избирает вредное; зато сам первый смеется над своею ошибкою – и даже плачет, если надобно. Веселая безрассудность есть милая подруга жизни его. Как англичанин радуется открытию нового острова, так француз радуется острому слову... Минуты его жара, испуга, ненависти могут иметь страшные следствия, чему примером служит революция. Жаль, если эта ужасная политическая перемена должна переменить и характер народа, столь веселого, остроумного, любезного!»

Но конечно, главным во Франции было грандиозное событие, происходившее на глазах Путешественника – революция. Она вызывала интерес и пугала, привлекала внимание и ужасала путешественника русского человека, принципиального противника насильственных потрясений, народных революций. Карамзин наблюдал. Он пытался слушать политический пульс Парижа. Он внимал пламенным речам Мирабо и Робеспьера, с жадностью читал новые книги, размышлял. В 70-е годы 18 века, в пору екатерининских гонений писать о революции было и опасно, и безнадежно – цензура не пропустила бы. И пока своё мнение Путешественник высказывает весьма уклончиво, тем более, что отношение к ней ещё не вполне определилось.

Париж, апреля ... 1790

«Говорить ли о французской революции? Вы читаете газеты: следственно, происшествия вам известны... Не думайте, однако ж, чтобы вся нация участвовала в трагедии, которая играет ныне во Франции. Едва ли сотая часть действует; все другие смотрят, судят, спорят, плачут или смеются, бьют в ладоши или освистывают, как в театре! Те, которым потерять нечего, дерзки, как хищные волки; те, которые всего могут лишиться, робки, как зайцы; одни хотят все отнять, другие хотят спасти что-нибудь. Оборонительная война с наглым неприятелем редко бывает счастлива. История не кончилась, но по сие время французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона».

«Когда люди уверятся, что для собственного их счастья добродетель необходима, тогда настанет век золотой и во всяком правлении человек насладится мирным благополучием жизни. Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот».

Путешественник, несомненно, выражал точку зрения Автора, что любые насильственные потрясения гибельны для нации и народа. Автор – принципиальный противник революции. И всё же позиция Карамзина и сложнее, и главное, историчнее взгляда Путешественника. Путешественник осуждает революцию, Карамзин пытается её объяснить исторически, он понимает, что революция – закономерное звено в цепи непрерывного развития нации. Оттого революция означает наступление нового этапа в истории не только Франции, но и всего человечества.

Карамзин писал: *«Французская революция относится к таким явлениям, которые определяют судьбы человечества на долгий ряд веков. Начинается новая эпоха. Я это вижу, а Руссо предвидел».* Карамзин – против бездумного и скоропалительного отношения к величайшему событию современности, не соглашаясь ни с теми, кто её восхваляет, ни с теми, кто осуждает: *«Я слышу пышные речи «за» и «против»; но я не собираюсь подражать этим крикунам. Признаюсь, мои взгляды на сей предмет недостаточно зрелы. Одно событие сменяется другим, как волны в бурном море; а люди уже хотят рассматривать революцию как завершённую. Нет. Нет. Мы ещё увидим множество поразительных явлений. Крайнее возбуждение умов говорит за то. Я опускаю занавес».*

Своё мнение о революции вообще Карамзин выразит позднее, когда его понимание революции более или менее определится.

Но вот берег французский скрылся от глаз наших – английский показывается в отдалении.

Карамзин покидал Париж. Он посетил его «в минуту роковую», и в голове и в сердце его было много чувств, надежд и опасений. Увиденное было грандиозно, величественно, а на душе было молодо, мечталось, ясно было лишь, что жизнь вся впереди, и решительный выбор ещё не сделан. *«Это была великая весна 90-х годов»* – как назвал Герцен это время. Это было время надежд.